

Юлия Басова

Куда уходят друзья

Куда уходите вы, друзья, куда держите путь? Вас уже не видно на алеющем, необратимом горизонте, но никогда не смирится, не постигнуть, не принять...

Там, где всё ещё живы воспоминания о вас, сейчас ветрено и пустынно.

Миражи становятся объёмными и реальными. Задыхаешься от страшной, изматывающей тоски, но всё равно идёшь. Так устроена жизнь – надо двигаться, каждую секунду, каждый миг, - любить кого-то, кто оказался рядом, кого вынесло на твой путь обжигающими песками Судьбы, отдаваться тем, кто говорит тебе главные слова и называет по имени. Имя – это код к твоей душе. Надо лишь суметь правильно произнести его, и тогда все цифры сойдутся, а тебя широко распахнут, вытряхнут наизнанку, словно сложный сейф с многоуровневой защитой.

Как же вам удалось так филигранно, так ласково вскрыть мою душу, а потом оставить здесь? Ведь каждый из вас знал, что скоро уйдёт. Нет, я не верю, что вы были не в курсе. Каждый знает ЭТО наверняка, просто боится себе в этом признаться... Но только не вы. Я читала это в ваших глазах, в каждом жесте... В каждой фразе, которая точной стрелой со сладким ядом на остром наконечнике вонзалась в моё сердце. И останется там до конца... Я помню все наши разговоры, все сумасшедшие выходки, колючие досадные ссоры и остро-сладкие перемирия.

Забыть вас? Не выйдет. Не смогу.

Никто не герой, никто не дожил до двадцати.

Никто не забыт, пока есть я....

Вадим.

Его и красавцем-то нельзя было назвать. Только, почему-то все девки наши вешались на него, словно обезьяны на баобаб. Наверное, говорил хорошо, что ли... Или, как сейчас выражаются, харизма у него была особенная, мужская. Хотя, думаю, всё дело в том, что каждая женщина чувствует, когда благородство есть в парне, порядочность, честь...

Вот, девки и не давали ему прохода.

Меня, вероятнее всего, не зацепило этим снарядам, потому что я в свой ранний юный период романтического максимализма верила в настоящую дружбу между

мужчиной и женщиной. И так верила, что даже мысли не допускала, что может быть как-то иначе....

Он меня встречал почти каждый вечер после музыкальной школы, подхватывал мою бандуру под названием «гитара», в дерматиновом чехле, и мы шли домой. Около нашей пятиэтажки собирались пацаны, которые, при виде меня, начинали преувеличенно громко обсуждать свои героические вылазки в соседние дворы, массовые баталии «стенка на стенку», бравирюя свежесвоёнными трёхэтажными матюками и развязно прося «сбавить чё-то из Цоя».

Перечить пацанам было невежливо, и я, послушно присев на свободное от плевков место на скамейке, снова и снова пела «Последний герой». Вадик, который среди товарищей пользовался непререкаемым авторитетом, всегда был рядом, следя за тем, чтобы меня не обижали и не высмеивали. Правда, случались и такие моменты, когда я была «не в голосе» и выступать не могла, или не хотела. Тогда, игнорируя громкие просьбы пацанов «давай слабай чё-нить, слышь, цыпа», он молча брал меня за плечо своими большими надёжными ладонями и с твёрдым невозмутимым лицом проводил мимо компании.

Однажды, воспользовавшись тем, что я иду домой одна, самый здоровый из наших парней, Борька Цыганов, попытался меня зажать между гаражей и сделать с моим беззащитным пятнадцатилетним организмом всё то, что в подобном случае полагается.

Вадик появился в самый нужный момент, когда мне уже задрали юбку и, нагнув, повернули лицом к ржавой гаражной стене.

Цыганов после того случая долго во дворе не показывался. Вадим одним махом выбил ему челюсть и сломал нос. Сделал он это довольно легко и непринуждённо, поскольку с семи лет занимался боксом в своей спортшколе.

-Сука, только подойди к ней ещё, ты понял? – спокойно сказал он Цыганову напоследок, и, не услышав возражений, бережно поправил на мне одежду, взял за руку, и повёл домой.

Влюбился мой друг в восемнадцать. Влюбился на всю жизнь свою, как потом оказалось, недолгую.

Соседка Света, бойкая девчонка с яркими зелёными глазами и роскошной фигурой, на которую заглядывались все, без исключения, местные пацаны, ворвалась в его мир, переехав в наш двор то ли из Ростова, то ли из Харькова.

Как же она ревновала его! Впрочем, их чувство было взаимным и неподдельным, как бывает лишь в первый раз. Об их любви знал весь двор. Да, что там – весь район. Они, не стеснялись никого – прилюдно целовались,

выясняли отношения, ссорились, мирились, расставались и тут же вновь сходились, задыхаясь от нежности в объятиях друг друга.

Я, по детскости своей, сперва ревновала Вадима, но в глубине души понимала, что не вправе требовать от него больше внимания.

Через несколько месяцев они решили пожениться и даже подали документы в наш местный ЗАГС.

А потом случилось непоправимое. Он возвращался домой поздно ночью, один, слегка навеселе после какой-то дружеской попойки. Наш рабочий район, который никогда не славился тишиной и спокойствием, поджидал Вадима в свои крепкие объятия, встретив непривычным, гулким молчанием. Ни оконца зажжённого, ни прохожих на улице, даже местные псы все куда-то подевались... И вдруг, посреди этого каменного безмолвия, раздался отчаянный девчачий крик. Не раздумывая, он побежал на него, желая понять, что происходит. А происходило вот что: трое пацанов во главе с Борькой Цыгановым, избивали и насиловали полуживую от страха и боли девушку. Вадим кинулся прямо в центр этой адской оргии и получил ножом в живот. Кто это сделал – никто из компании в последствии так и не признался, а только разве важно это сейчас? Второй удар ножом в бок заставил Вадима остановиться и стихнуть, рухнуть вниз на подломленных ногах, не издав при этом ни звука...

А Светка, оказывается, уже была беременна. Когда ей сказали о том, что нет больше Вадика, она несколько дней подряд сидела на подоконнике, обводя безучастным взглядом наш двор, и, не понимая, не слыша ничего и никого, курила одну за одной....

Кто-то из друзей семьи советовал ей сделать аборт, пока не поздно, но она не стала, и через шесть месяцев родила сына.

Вадику-младшему сейчас уже 17. Он – сильный, красивый, благородный, как был его отец. И этот факт хоть как-то мирит нас с мыслью, что нет сейчас того Вадима, что вёл меня домой, защищая от всего света, и который любил свою девушку так, как, наверное, никто и никогда не полюбит больше, потому что лишь он один мог ТАК любить....

Лида.

Папа – военный, всю жизнь – по горячим точкам. Афганистан, Чечня, Приднестровье... Дослужился до полковника и вышел на пенсию, чтобы вести спокойную жизнь.

Мать – врач с тридцатилетним стажем. Что о ней сказать? Тихая, молчаливая, порядочная и кристально честная до мозга костей. Принципы у неё, понятия, -

своя философия. Философия человека, которого никогда не выделишь из толпы, но только мир держится именно на таких, как она...

Дочку воспитывали в любви и строгости. Не позволяли врать, уваливать от ответственности, поступать подло.

Учиться Лида должна была только на «отлично», а иначе – как такому папе в глаза смотреть?

В доме – всегда гости. Приветливый и хлебосольный дом. Люди правильные к ним приходили – папины сослуживцы с семьями, мамины коллеги, Лидины одноклассники из интеллигентных фамилий (другие в её английской спецшколе не водились)...

Мне её, Лидины глаза, до сих пор по ночам снятся. Голубые, широко распахнутые, и наивные, как у полугодовалого щенка.

«Ты влюбилась? И что ты только нашла в этом упыре?» - от неожиданности выпалила я как-то раз, увидев её с одним из второкурсников. Его звали то ли Денис, то ли Дима... Маленький, костлявый, нескладный какой-то, с нездоровым блеском во взгляде, который никогда нельзя было поймать. Эта его странная отстранённость, да ещё, к тому же, полное неумение формулировать свои мысли так, чтобы и окружающим они были понятны, вызывали у меня полное неприятие. Однако, ради подруги, я не слишком то его высмеивала, хоть и могла вполне, учитывая мой задиристый характер...

Этот Дима-Денис упорно не хотел знакомиться с Лидиными родителями, несмотря на её мольбы и уговоры. Зато он довольно быстро ей подарил четыре креста. Она вылечилась, ни разу его не упрекнув, не пожаловавшись на несправедливую судьбу и его кобелиную нечистоплотность. Родители учили её быть правдивой, прежде всего, со своей совестью. Вот и она призналась себе: сама виновата. Любила и доверяла. Поэтому получила, то, что получила...

А ещё она хотела детей от этого упырёныша. Даже после того, как он её заразил. А после сифилиса с размножением следовало повременить годка этак два.

Помню, я пришла к ней домой, как раз в тот момент, когда она болела. Подруга я тогда была, надо сказать, так себе.... Сидела от неё на приличном расстоянии, ничего не трогала у них, от чая отказалась – мало ли, как чашку помыли?

Такой жалкой мне она сначала показалась, такой нелепой. А потом смотрю – глазищи голубые горят, своё будущее со своим Димой-Денисом планирует, будто ничего и не было...

Отец, мрачный, как туча, - из угла в угол. Уже всё сказал, что мог, упыря этого, мол, больше на порог не пустит. Мать молчит, смиренно и с достоинством, как обычно...

И тут Лида такую твёрдость проявляет, такое самообладание... Мол, люблю его, жить без него не могу...

Вылечились оба - и она, и козёл этот. Потом он снова что-то подцепил, и опять её заразил. Только, это уже не так важно было. Вся тема в том, что на этих подвигах он не остановился и подсадил девчонку на наркоту.

По-моему, начали они с экстази. Одна на двоих, - он и в этом жлобом оказался. А ей и того было достаточно, Лидке. Понравилось, закрутило, унесло. Дозу колёс надо увеличивать, чтобы так же накрывало, как в первый раз. Сначала две, потом - четыре, потом - шесть.... Всё бабло, что было - улыбчивому пареньку с рюкзаком, поставки - два раза в неделю.

Сука, я ведь всё знала! Какого чёрта тогда я не пошла к её папаше героическому, почему не уговорила его запрянуть Лидку куда подальше, отправить куда-нибудь в Антарктиду, или дома запереть, а упыря того тихонько слить по обвинению в распространении наркотиков. Мог же папа её, мог!!! Были связи...

Ну, куда уж там! Стану я в дела её вмешиваться, жизнь -то не моя... Дружба (так мне тогда думалось) не должна быть навязчивой, прилипчивой...

Короче, начался у них героиновый период. Самый счастливый для их грёбаных отношений, потому что он был постоянно рядом с ней. С ней, нежной и кроткой, любящей и безответной, делил он самые полётные фазы неровного и непредсказуемого героинового кайфа.

А потом, однажды, она попросила своего Дениса-Диму вколоть ей, потому уже не попадала сама - вся кожа вокруг вен была разломана, разбита, без единого живого места. И он сделал, как она просила, только решил чуть-чуть подбавить кайфа, чуть больше сделал дозу пигалице этой сорокакилограммовой, о которой сам же говорил, алчно пялясь на мой неизменный третий размер: «Е*ать Лидку жалко, боюсь покалечить».

Потом на суде плакал, истерика началась у гниды этой, рассказывал, как побелела она, словно лист, как глазами своими на него смотрела - беспомощно, кротко... Ручонкой своей его запястье сжала, прошелестела что-то своими синими губами, и упокоилась вмиг.

Что ещё? Дальше всё, как в тумане несколько месяцев. Везде, куда бы я не пришла, мерещился мне взгляд её светлый, добрый, как у матери.

Та на похоронах ни слова не сказала, но, когда гроб уходил в землю, молча подошла к краю могилы и начала валиться вперёд. Отец стоял рядом и подхватил, не дал упасть. Так и стоит у меня перед глазами эта сцена, сколько лет прошло...

Светлая память.

.....

Друзья мои, вас нет со мной, но вы всегда где-то рядом. Когда мне плохо, я говорю с вами, и иногда даже слышу, что вы мне отвечаете.

Вы никогда не боялись любить, и любовь эта стоила вам жизни. Не потому ли я всегда так боялась этого чувства, как огня и бежала от него?...

И не потому ли сейчас так остро вспоминаю вас, потому что впервые за долгое время хочу остановиться, и посмотреть своей любви в глаза, чтобы она мне не сулила...

И знаете, что?

Вы были правы: она прекрасна, эта любовь, и цена уже не имеет значения.